

УДК 1(470)+929 Пятигорский

ОСОБАЯ МЫСЛЬ: А. ПЯТИГОРСКИЙ О ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОМ ЕДИНСТВЕ ФИЛОСОФА И ЕГО ФИЛОСОФИИ

Г.В. Мелихов

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: german.melikhov@ksu.ru

Статья представляет собой опыт философского комментирования тезиса А. Пятигорского о трансцендентальном единстве философа и его философии.

Ключевые слова: А. Пятигорский, философский комментарий, особая мысль, трансцендентальное единство философа и его философии.

The Special Thought: A. Piatigorsky on the Transcendental Unity of the Philosopher and His Philosophy

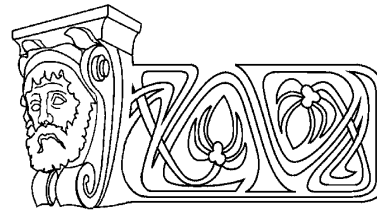
G.V. Melikhov

This article is a philosophical commentary on the thesis A. Piatigorsky of the transcendental unity of the philosopher and his philosophy.

Key words: A. Piatigorsky, philosophical commentary, special thought, transcendental unity of the philosopher and his philosophy.

Цель статьи – дать небольшой комментарий к одному из важнейших положений философии А. Пятигорского: речь идет о принципе трансцендентального единства философа и его философии.

В словаре русского языка С. Ожегова слово «комментарий» имеет два значения: во-первых, это объяснение, толкование к какому-нибудь тексту; во-вторых, комментарий – это рассуждение, пояснительные и критические замечания о чем-либо. Философский комментарий к любому тексту (особенно философскому) представляет собой *рассуждение*, которое невольно рождается из толкования, попытки понять то, что хотел сказать тот или иной философ. «Невольно», потому что неизбежным спутником философского комментария является *желание* философствовать самого комментирующего. «История философии, – писал К. Ясперс, – невозможна вне собственного философствования. Ибо только внешняя ориентация на материал фактов и тексты еще не ведет к действительной философии. Осмысленность проникновения в историю философии предполагает, что она возникает под водительст-

вом философии. Лишь философия понимает философию, которая была когда-то и есть сегодня»¹. Философское комментирование – опыт чтения и рассуждения, который необходимо отличать от историко-философской реконструкции. Если первый способ понимания текстов осуществляется под «водительством» философии, то второй ведом целым комплексом *наук*, внешних для философского мышления – исторических, лингвистических, социальных и т.д. Цель философского комментария – дление нашего собственного желания философствовать в надежде встретиться с *особой* мыслью.

Особая мысль объединяет философствующих: В. Соловьева она роднит с Платоном и с неоплатониками, Э. Гуссерля с Декартом, В. Бибихина с М. Хайдеггером, а последнего – с досократиками. Но это еще не всё: объединяя философов, *особая мысль* соединяет их также и с тем, что не принадлежит ни одному из них, обнимая собой все (и как таковая *особая мысль* содержит в себе то, что, собственно, мыслью не является). Сразу оговоримся: мысль, которая объединяет одного философа с другими мыслителями, но не соединяет его с *объемлющим*, не может быть названа *особой*. Назовем ее просто *умной мыслью*. Таким образом, *особая мысль* может быть умной и за-умной одновременно или только за-умной. Но никогда *особая мысль* не может быть одной *умной мыслью*. *Особая мысль* может объединять В. Соловьева с Платоном, но разъединять его с университетскими профессорами, которые в большинстве своем почему-то высоко ценят одни лишь *умные мысли*.

Особая мысль неуловима. В арсенале человеческих средств нет такого инструмента, который позволил бы нам бесцеремонно,

по собственной прихоти овладевать *особой мыслью* – как утверждалось выше, она содержит в себе немислимое. *Особая мысль* несет в себе тайну. Она существует вне времени и является чужой по отношению ко всему, что окружает нас в обычной жизни. Между нами, желающими философствовать, и *особой мыслью* простирается ничья земля, по которой пройти никто и никогда не сможет. Философы запросто заводят знакомства с *умными мыслями*, но дело философствования нужно обставить так, чтобы *особая мысль* овладела нами. Как достичь цели, которая целью никогда быть не может? На этот вопрос мы и постараемся ответить, комментируя известный тезис А. Пятигорского.

Вероятно, можно говорить о двух типах философов. Есть *свои* философы, к ним в целом все относятся хорошо – они общепризнанны и уважаемы. С ними спорят, но их заслуги несомненны для большинства. Как правило, эти мыслители являются авторами крупных философских систем. Таковы (с определенными оговорками) Аристотель, И. Кант, Г.В. Гегель, А. Лосев, С. Франк и многие другие авторы. Но есть философы, которых все постоянно и дружно ругают. С ними не просто не соглашаются, их не принимают – лучше бы их вообще не было. Они – *чужие* среди своих. Таковы Платон, Ф. Ницше, В. Соловьев, Л. Шестов, В. Бибихин. Слишком эти философы были радикальны, слишком непохожи на всех остальных. Они не только непомерно много себе позволяли, они еще и выражали свои мысли самым неподобающим для философии способом – при помощи обзоров.

Философом, которого ругали и будут ругать, был А. Пятигорский. И не только потому, что он не мог мыслить, не прибегая к силе своего воображения. А. Пятигорский самонадеянно искал встречи с *особой мыслью*. Ему недостаточно было находиться в кругу доступных для него *умных мыслей*. Он полагал, что предметом философствования непременно должно быть *невозможное* – то, что нельзя поймать и удержать посредством рефлексии. *Особая мысль* случается в ком-то, оставляет след – он что-то понимает и реализует в себе – и тут же уходит. Нашему

восприятию открыт лишь момент возникновения мысли. А в рефлексии нам удастся опознать только *интенцию*, направленную на мысль, свое *желание* мыслить. Философия и есть культивирование желания мыслить. Если кто-то думает, что философ – тот, кто мыслит, он слишком хорошо о нем думает. Философ – тот, кто желает мыслить, а вот получится у него встретиться с *особой мыслью* или нет, это совсем другой вопрос. А. Пятигорского дружно бранили и будут бранить впредь, потому что своей философией *особых мыслей* он утверждает позицию, которая никому ничего не гарантирует. К истине нет *общего* пути. Каждый находит ее сам (если захочет), на свой собственный страх и риск. Философствование А. Пятигорского предельно индивидуально. Своим предметом философия имеет мое собственное или ваше, т.е. *отдельного* человека желание мыслить, которое обнаружить-то можно не у всех людей. У кого-то есть это желание, а у кого-то нет, и в ближайшей перспективе оно не будет проявлено. А. Пятигорский пытается «проговорить» философию *особых мыслей*, которая не опирается на понятия сущности, метода, на какой-то раз и навсегда данный концептуальный аппарат, потому что «сущность» и «метод» являются средствами постижения и достижения *умных мыслей*. *Особые мысли* существуют за пределами повседневной жизни.

Итак, есть *умные мысли*: они вращаются в мире многообразных и повторяющихся жизненных ситуаций, и есть *особые мысли*: они запредельны потоку привычной жизни человека.

В одной из своих многочисленных бесед (в данном случае со студентами и преподавателями Тартуского университета 20 августа 1992 г.) А. Пятигорский следующим образом формулирует свою позицию: «Философия, как я ее понимаю <...> – это не только то, что ты думаешь, но и то, что ты *есть*. Существует такая вещь, как трансцендентальное единство философа и его философии»². Самое интересное здесь – то, как сам философ поясняет свою мысль. Казалось бы, нет ничего «проще»: образ *мыслей философа* должен соответствовать его образу жизни – претво-

ряй в свою жизнь то, о чем ты изо дня в день читаешь свои лекции. Если мы в аудитории учим, что нет никакой ни политики, ни экономики, но есть лишь одна сплошная этика, то мы и действуем соответствующим образом (этично) в стенах ли родного университета или за его пределами. Таким образом, наше философствование обязывает нас быть верными своим принципам, неуклонно следовать им в своей жизни. Иначе и быть не должно. Этому учили Сократ и Кант, к этому стремимся и мы. Но далее А. Пятигорский, разъясняя сказанное, приводит случай из жизни Гегеля, когда тот, уже пожилой человек, действительный тайный советник, друг министра просвещения, помогает устроить побег из-под стражи способного молодого человека, ненавидевшего прусскую монархию. «Его спросили: но как же вы можете это делать? Это же нарушение ваших собственных принципов? На это Гегель отвечал, что философ смотрит на все отстраненно, включая свои собственные принципы <...> Вот образец поведения философа. Философ не может вести себя в соответствии со своими принципами, потому что его мышление ориентировано всегда на метапозицию, на отстранение от всего <...>»³.

Философ, как будто утверждает А. Пятигорский, имеет принципы, но он не должен вести себя в соответствии с ними. Это радует, потому что Гегель, хотя бы в этом, ничем не отличается от нас, говорящих одно, а делающих совсем другое... А. Пятигорский, конечно же, далек от подобной (нигилистической) трактовки единства философа и его философии. Философ, как и любой другой человек, обязан быть верным своему слову; он живет, полагаясь на принципы, которые добровольно и сознательно избирает для себя в качестве руководящих. Но как философ он ищет встречи с *особой мыслью*, за пределами всему. «Философ применяет мышление к мышлению»⁴. Никакого другого единства кроме трансцендентального философ искать не может. Поэтому первым условием философствования является (как бы сказал сам А. Пятигорский) *выпадение* (хотя бы в чем-то) из жизни. Другими словами, если мы действительно собираемся философствовать, нам

крайне желательно «уйти из ситуации», преклотив внимание на свое желание философствовать. Но это еще не всё: в какой-то момент мы понимаем, что обрести искомое – *особую мысль* – можно лишь ценой абсолютной и полной сдачи всех своих представлений, всего, что мы несем в себе «по жизни». Все это должно «умереть».

Именно так и понимает смерть А. Пятигорский. Смерть для него – прекращение мысли, отрефлексированное субъектом философствования⁵. Это, казалось бы, простое определение содержит два важных для нас положения: во-первых, смерть в данном случае выступает символом феноменологической редукции, которая прекращает движения самых разных (в том числе, и *умных*) мыслей; во-вторых, смерть уже не символизирует, а фиксирует (если нам это, действительно, удастся сделать) реальную *остановку* потока мыслей – мы на какой-то момент оказываемся в за-умной сфере междумыслия, где нет ничего и никого. Вот здесь-то *особая мысль* и овладевает нами (опять-таки, если нам повезет).

Таким образом, принцип трансцендентального единства философа и его философии А. Пятигорского может трактоваться двояким образом: с одной стороны, он выражает *желание* философствующего встретиться с *особой мыслью*, а с другой – фиксирует возможность реального единства философа и *особой мысли*.

Принцип трансцендентального единства философа и его философии, безусловно, говорит и о единстве жизни философа и его мысли, но только в том смысле, что жизнь философа оказывается подчиненной стремлению реализовать *особую мысль*. Все, оказывающееся в поле внимания философа, все, что происходит с ним, тем или иным образом втягивается в решение этой задачи. Жизнь философа – духовное упражнение, имеющее своей задачей реализацию *особых мыслей*, открывающих для нас *объемлющее*, где встречаются и беседуют друг с другом Сократ и Будда, Платон и Лао-Цзы, Кант и Нагарджуна.

В заключение необходимо отметить следующее: А. Пятигорский профессиональ-

но занимался изучением буддийской философии. Среди его учителей были тибетолог и монголист, знаток традиций буддизма Ю.Н. Рерих (1902–1960). В общении с ним, по свидетельству самого А. Пятигорского, он начал впервые понимать буддийскую философию⁶. В конце 1960-х гг. А. Пятигорский становится учеником Бидии Дандаровича Дандарона (1914–1974) – известного философа, ученого-буддолога, йогина (он происходил из старого рода, давшего Бурятии много выдающихся лам)⁷. Философствование А. Пятигорского, таким образом, складывалось в общении с живыми носителями традиции, и конечно, оно несет на себе печать этого общения. Исследование влияния конкретных носителей традиции на философскую мысль А. Пятигорского – дело будущего. В интерпретации всего лишь одного положения философии А. Пятигорского мы попытались уйти от буддийской терминологии, поскольку убеждены: философское мышление А. Пятигорского может быть интересно

само по себе, вне специфического буддийского контекста его мысли. Впрочем, и этот вопрос не столь однозначен и достоин серьезного обсуждения в дальнейшем.

Примечания

¹ *Ясперс К.* Великие философы. Будда. Конфуций. Лао-Цзы. Нагарджуна. М., 2007. С.8.

² *Пятигорский А.М.* «Я – человек никакой культуры» // Избранные труды. М., 1996. С.304.

³ Там же. С.305.

⁴ *Пятигорский А.* Мышление и наблюдение. Рига, 2002. С.2.

⁵ *Пятигорский А.* Феноменологическое понятие смерти // Новое литературное обозрение. 2010. № 101 [Электронный ресурс] URL : <http://www.neobooks.ru/rus/magazines/neo/196/1717/1729> (дата обращения : 14.12.2010).

⁶ *Ритунс А.* Главное, чтобы было интересно // Новое литературное обозрение. 2010. № 101 [Электронный ресурс] URL : <http://www.neobooks.ru/rus/magazines/neo/196/1717/1726> (дата обращения : 14.12.2010).

⁷ О трагической судьбе Б. Дандарона можно узнать в работе : *Монтлевич В.М.* Материалы к биографии // Дандарон Б.Д. Избранные статьи. Черная тетрадь. Материалы к биографии. История Кукунора. Сумпа Кенпо. СПб., 2006. С.250–469.